

Бабич А.В.,
главный специалист ГУ «Крайгосархив»,
член Краснодарского отделения РОИА

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗЪЯТИЯ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НА КУБАНИ В 1922 ГОДУ

В соответствии с постановлением ВЦИК от 25 февраля 1922 года (№ 9357) и Кубчероблисполкома от 2 марта 1922 года (№ 98) была образована Кубано-Черноморская областная комиссия по изъятию церковных ценностей в пользу голодающих. 6 марта 1922 г. комиссия приступила к работе [1].

Однако прежде чем обратиться к фактам деятельности комиссии и функциям, возложенным на нее советским правительством, хотелось бы остановиться на ряде вопросов, сопряженных с событиями, предшествующими и сопутствующими изъятию церковных ценностей в СССР и в частности на Кубани.

Дело в том, что кроме помощи голодающим, изъятие преследовало другие цели, ничего общего с этой помощью не имеющие. Известно, что перед лицом голода, патриарх Тихон еще осенью 1921 года, обратился с воззванием к верующим Русской православной церкви, и, при содействии духовенства, в короткий срок была собрана значительная денежная сумма [2]. Но правящая партия искала в недрах православной церкви не союзников, а врагов, стремясь выявить так называемое «черносотенное духовенство», с которым необходимо было покончить раз и навсегда.

В Вестнике Русского христианского движения» (Париж, 1970 год. № 97) Н.А. Струве опубликовал секретное письмо В.И. Ленина от 19 марта 1922 г. об изъятии церковных ценностей. Письмо адресовалось «товарищу Молотову для членов политбюро». В нем говорилось: «...для нас именно данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем с 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи, трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления...»

Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности совершенно невыполнимы. Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть и несколько миллиардов) мы должны, во что бы то ни стало. А сделать это с успехом можно только теперь. Все соображения указывают на то, что позже сделать это нам не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечил нам сочувствие этих масс, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам нейтрализацию этих масс в том смысле, что победа в борьбе с изъятием ценностей останется, безусловно и полностью, на нашей стороне...

Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение *черносотенному духовенству* [курсив мой

– А.Б.] и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий...

...На съезде партии устроить секретное совещание всех или почти всех делегатов по этому вопросу совместно с главными работниками ГПУ, НКЮ и Ревтрибунала. На этом совещании провести секретное решение съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно, ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше» [3].

Таким образом, помимо помощи голодающим, экспроприация церковных ценностей имела и другую цель – расправу с «черносотенным духовенством». По данным священника Михаила Польского в ходе изъятия 1922 года было расстреляно и замучено духовных лиц разного звания: на Кубани – 69, в Черноморской губернии – 37 человек [4].

А теперь обратимся непосредственно к теме изъятия церковных ценностей. В течение марта 1922 года, в отделах Кубано-Черноморской области создавались отдельные комиссии, состоявшие в подчинении областной комиссии. Так, например, 22 марта 1922 года, в соответствии с постановлением Кубано-Черноморской областной комиссии по изъятию церковных ценностей в пользу голодающих от 6 марта 1922 года (протокол № 1), была образована комиссия по изъятию церковных ценностей при Краснодарском отдельном отделе управления [5].

Для производства описей церковного имущества назначались: заведующий отдельным финансовым отделом, председатель бюро юстиции и председатель комитета помощи голодающим [6].

В Краснодарскую отдельную комиссию вошли: представитель от исполкома Краснодарского отдела (фамилия не указана), председатель комитета помощи голодающим Оникко, от бюро юстиции Борисов, от областного финансового отдела Шелкочев, от комитета ВКП (б) Пушкин [7].

На заседании областной комиссии от 7 марта 1922 года (протокол № 2) принято постановление о порядке производства описей церковного имущества и изъятия его в пользу голодающих. Постановление было подготовлено заведующим отделом юстиции Базаровым [8].

Согласно постановлению комиссиям предлагалось немедленно, «путем выступления на собраниях и митингах разъяснить населению сущность и цели предстоящего использования церковных ценностей и предложить местному духовенству со своей стороны объяснить верующим о необходимости использования церковных ценностей для обсеменения полей и спасения голодающего населения Республики» [9].

Кроме этого, от комиссий требовалось:

«- в самый кратчайший срок приступить к составлению описей всего церковного имущества, принадлежавшего той или иной вероисповедной группе или организации;

- на каждый храм, молитвенный дом, монастырь, часовню, мечеть, синагогу и пр. должна быть составлена отдельная опись в трех экземплярах, из коих два представляются в областную комиссию, а 3-й хранится в местной комиссии;

- в опись должны включаться каждый предмет отдельно с указанием материала, из коего он сделан, только однородные предметы, состоящие из одного и того же материала, могут включаться в опись общим числом;

- при составлении таких описей обязательно присутствие священнослужителей данного вероисповедания и представителя данного приходского совета;

- до просмотра описей Областной комиссией никаких действий в отношении изъятия ценностей отдельные комиссии в отделах и председатели комитетов взаимопомощи в населенных пунктах производить не имеют права;

- право определения, какие церковные ценности подлежат изъятию, принадлежит только Областной комиссии» [10].

В марте 1922 года проводилось совещание благочинных Кубанской и Черноморской епархий под председательством владыки Иоанна, епископа Кубанского и Краснодарского. В совещании принимали участие: товарищ председателя, благочинный церкви г. Краснодара, протоиерей о. Александр Иванов и секретарь – благочинный 27 округа Кубанской епархии священник о. Тимофей Бондаренко.

На совещании было решено: в связи с тем, что «голод, постигший многие места нашей родины, принял ужасающие размеры, и тысячи наших братьев ежедневно гибнут от голода в страшных муках» [11]:

«1. Принять самое активное участие в проведении в жизнь означенного декрета, расположив общины верующих к пожертвованию церковных ценностей, оставив в церквях только необходимые из них для церковно-богослужебных целей;

2. Минимумом, необходимым для церковно-богослужебных целей считать:

- для однопрестольного храма: один ковчег, одно большое и два малых Евангелия, два напрестольных креста, две чаши, два дискоса, две лжицы, три тарелочки и два ковшика;

- для двухпрестольного храма: два ковчега, два больших и два малых Евангелия, четыре напрестольных креста, две чаши, два дискоса, две лжицы, четыре тарелочки и два ковшика;

- для трехпрестольного храма: три ковчега, три больших и три малых Евангелия, шесть напрестольных крестов, три чаши, три дискоса, три лжицы, четыре тарелочки и два ковшика.

- сверх сего оставить на каждого священника по дароносице, кресту и кадилу для причащения больных и требоисправления.

3. Ризы с икон могут быть сняты лишь в том случае, если снятие их не исказит и не обезобразит иконы;

4. При рассмотрении областной комиссией описей имущества каждой церкви для определения предметов, подлежащих изъятию, должны присутствовать: от духовенства – представитель Кубанского епархиального управления и от мирян представитель, назначенный тем же управлением на правах его кооптированных членов;

5. В число членов комиссии при фактическом изъятии ценностей на местах должны входить, кроме всех членов причта и представители от приходов в лице приходских советов;

6. Просить областную комиссию принять меры к тому, чтобы участвующие от исполкомов представители осторожно и тактично производили изъятие церковных ценностей во избежание оскорблений религиозного чувства верующих...;

7. Изъятые вещи, как вещи освященные, к которым по канонам церкви может прикасаться только рука священнослужителя, должны сопровождаться вплоть до Всероссийского комитета Помгола священнослужителем...;

8. Причтам епархии вменить в священную обязанность разъяснить верующим, как цели изъятия церковных ценностей, так и крайнюю необходимость этой жертвы во имя спасения человеческих жизней...».

На заседании областной комиссии от 18 марта 1922 года было решено допустить в комиссию представителей Епархиального управления и мирян с правом совещательного

голоса; допустить священнослужителя к самому изъятию церковных ценностей, упаковке и сопровождению в облкомиссию; признано необходимым оставить необходимое количество предметов, без коих не могут быть совершаемы религиозные обряды, а также воздержаться от таких действий, кои обесценят или обезобразят церковный предмет, а в случае его большой ценности, принять меры к замене его менее ценным предметом [12]; на заседании комиссии от 22 марта 1922 года постановили признать существенными для интересов культа и необходимыми для совершения религиозных обрядов следующие предметы [13]:

1. Для однопрестольного храма - один ковчег, одно большое и два малых Евангелия, два напрестольных креста, две чаши, один дискос, две лжицы, две тарелочки и два ковшика;

2. Для двух и более престольных храмов: два ковчега, 2 больших и 4 малых Евангелия, два напрестольных креста, две чаши, два дискоса, две лжицы, три тарелочки и три ковшика.

3. Сверх того, необходимыми для каждого священника являются дароносица, крест и кадило.

В соответствии с постановлениями ВЦИК и Кубано-Черноморской областной комиссии в марте 1922 года была составлена инструкция «О порядке изъятия церковных ценностей в пользу голодающих» следующего содержания [14]:

1. Отдельские комиссии по изъятию церковных ценностей в отдельных городах и станицах, а председатели комитетов взаимопомощи во всех прочих населенных пунктах области, на основании описей и иных, имеющихся в распоряжении их данных, устанавливают очередную порядок работ по изъятию ценностей в зависимости от имеющихся в том или ином храме ценностей, причем в первую очередь подлежат изъятию ценности из наиболее богатых храмов, монастырей, синагог, часовен и пр.

2. Установив порядок ближайших работ, комиссии и председатели комитетов взаимопомощи назначают день и час производства работ в данном здании и вызывают к назначенному часу причт данного храма, часовни, синагоги и пр. и представителей мирян от приходского совета в количестве от трех до пяти лиц со всеми имеющимися у них документами и описями (причем, обязательно, должна быть представлена старая, до 1917 года, церковная опись или инвентарная книга, по коей производится проверка наличности церковных драгоценностей).

3. По прибытии причта и представителей мирян на место, комиссии и председатели комитетов взаимопомощи приступают к самому изъятию из церковных имуществ всех драгоценных предметов из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа.

4. Существенными для интересов культа и необходимыми для совершения религиозных обрядов признаются следующие предметы:

- для однопрестольного храма - один ковчег, одно большое и два малых Евангелия, два напрестольных креста, две чаши, один дискос, две лжицы, две тарелочки и два ковшика;

- для двух и более престольных храмов: два ковчега, 2 больших и 4 малых Евангелия, два напрестольных креста, две чаши, два дискоса, две лжицы, три тарелочки и три ковшика.

- сверх того, необходимыми для каждого священника являются Дароносица, крест и кадило.

Изъятию из церковных имуществ подлежат только предметы из золота, серебра и камней, из прочих же металлов (меди, фразе) изъятию не подлежат.

5. Означенные в пункте 4 сей инструкции церковные предметы, если они имеются только в указанном в том же 4 пункте количестве, изъятию не подлежат, хотя бы они были из золота, серебра и камней; лишь при наличии таких же предметов из менее ценных металлов, первые изъеются, а вторые (менее ценные) остаются.

6. Замена драгоценных предметов такими же предметами из менее ценных металлов обязательна, лишь бы последние были в наличности.

7. Ризы с икон в случае их большой ценности и возможности отделения от икон, подлежат снятию, если снятие их не обезобразит икон и, если ее (ризу) можно заменить другим чем-либо (материей).

8. В случае возникновения каких-либо сомнений при изъятии церковных предметов или возражениям мирян, что данный предмет является существенным и необходимым для культа, необходимо запрашивать разъяснения областной комиссии, а спорный предмет временно оставить в храме, синагоге, часовне и пр.

9. Всем драгоценным предметам, изымаемым из церковных имуществ, составляется подробная опись.

10. При составлении описи изъеяемых ценных предметов, все изъеяемые предметы, состоящие из золота, серебра и драгоценных камней точно описываются и укладываются представителем культа под наблюдением комиссии и председателей комитетов взаимопомощи в особые ящики и здесь же отмечаются в имеющейся при храме описи и заносятся в особый протокол, подписываемый как членами комиссии, так и представителями мирян и причта.

İðeıà÷àıèà: İðe ıðñòðñðàèè à ıàèè÷ıñðe èàéıâı-èèáı ıðââıàðà, çıà÷àıàâıñŷ ıı èıââıòàðıé èıèãà, ı ñâı ñıñðààèŷàðñŷ ıñıáúè ıðıòıéıè è ıððâââðñŷ à ıáèàñòıé ıðããè ðñðeòèè àèŷ ıðıèçâıâ-ñòàà ðàññèàâıáàıèŷ è ıðèàèà÷àıèŷ àèıáıúò è ıðããðñðàâııñðe.

11. Представители мирян имеют право вносить в протокол все свои замечания и возражения по поводу передачи в пользу голодающих предметов, без коих отправление богослужения является невозможным и замены их другими, менее ценными.

12. Все церковное имущество, изъятное на основании настоящей инструкции председателями комитетов взаимопомощи направляется в отдельные комиссии, а последние сдают его в отфинотделы для направления его, в соответствии с инструкцией от 21 января 1922 года, местным комиссиям по учету, изъятию и сосредоточению ценностей, в областные финотделы.

İðeıà÷àıèà: 1. İèèàéıé ðààèèçàðeè ðâııñðàèè ıà ıàñðàð ıà ıðıèçâıâèðñŷ; 2. Ñâŷıâıııñèò-æèðàèè, à ñèò÷àà èçıŷàèèıèŷ æàèèıèŷ, àıàñðà ñ ıðââñðààèèðàèŷıè àèàñðe, ñııðıáıæâàðò èçıŷıòıâ ðãðèáıúâ ðâıııñðe èç ñðàıèò à ıðããèŷ è ààèàà à ıáèàñòı çà ñâıé ñ÷àð.

13. При изъятиях никоим образом не следует давать проявляться в действиях агентов власти чувству гнева и презрения к религиозным чувствам верующих и избегать всякого неприличествующего рабочей власти отношения к священнослужителям и верующим.

14. Отдельские комиссии по изъятию церковных драгоценностей все описи церковного имущества по окончании работ по изъятию драгоценностей направляют в облкомиссию и, кроме сего, еженедельно представляют подробный перечень ценностей, изъятых из местных храмов, молелен, синагог и т.п., с указанием названия последних.

25 марта 1922 года газета «Красное знамя» опубликовала архипастырское воззвание и протокол совещания благочинных Кубанской и Черноморской епархии о поддержке действий по изъятию ценностей, что рассматривалось как акт «пожертвования». Пуб-

ликация имела целью подготовить общественное мнение к предстоящим реквизициям в церквях [15].

В связи с тем, что накануне проведения кампании изъятия церковных ценностей в храмах и монастырях участились кражи церковного имущества, в конце марта в местные комиссии были разосланы секретные циркуляры из Москвы с предписанием «установить строжайшее наблюдение за производством следствий по делам об участвовавших в последнее время кражах из монастырей и храмов» и требованиями: привлекать к уголовной и гражданской ответственности хранителей церковного имущества «даже в тех случаях, когда непосредственные похитители не обнаружены...» [16].

В начале апреля 1922 года началась кампания по изъятию церковных ценностей. 5 апреля 1922 года председатель Краснодарской отдельской комиссии Оникко сообщал в областную комиссию, что «учет церковного имущества Красотдела не произведен вследствие ненормального получения описей церковного имущества от населенных пунктов, которых до настоящего времени получено только от 5» [17].

18 апреля 1922 года в г. Краснодар, Предкубполитотдел из Москвы пришла шифрограмма, в которой говорилось: «желание духовенства по сопровождению ценностей Москву нужно организовать так, чтобы поехали представители лояльного духовенства, которых можно было бы использовать в Москве. Враждебные попы не нужны» [18].

19 апреля 1922 года полномочный представитель архиепископа Кубанского сообщал в Кубчероблисполком об ограблении Покровской и греческой церквей г. Краснодара, а также церквей в станицах Андреевской и Афипской [19].

На этом закончился подготовительный этап изъятия церковных ценностей, а 26 апреля началось изъятие. Были изъяты ценности в Екатеринодарском кафедральном соборе (в том числе из хранившегося там имущества домовых церквей бывших епархиального женского и коммерческого училища) и в синагоге. В Екатерининском соборе комиссия после этого работала еще дважды – 28 апреля и 12 мая. 2 и 5 мая изымалось имущество Александро-Невского собора; 6 мая – Дмитриевской и Покровской церквей; 8 мая Николаевской, Троицкой, Ильинской и Скорбященской (при городской больнице); 10 мая Всесвятской (на городском кладбище); 11 мая комиссия посетила Михайло-Архангельское подворье Красногорского монастыря (на углу улиц Гоголевской и Пластуновской (Янковского), из которого изъяли девять серебряных риз с малых икон и две лампы; а также Георгиевское подворье Балаклавского монастыря (на углу улиц Северной и Седина), где изъяли две серебряные тарелочки и «лом» (ложки, вилки и др.), взамен оставленных чаши и диска [20].

На заседании областной комиссии от 22 мая 1922 года было решено произвести изъятие церковных ценностей из склепов Екатерининского и Александро-Невского соборов, а также, из Скорбященской (Во имя иконы Божией Матери Всех Скорбящих Радость) и Кладбищенской (Во имя Всех святых). Вместе с тем, областная комиссия категорически предложила отдельским комиссиям немедленно закончить изъятие ценностей, а все изъятое срочно сдать в областной финансовый отдел. В том же постановлении от отдельных комиссий требовали объяснения о причинах неисполнения окончания изъятия ценностей в установленный срок до 20 мая [21].

В это же время изъятие проходило и в других населенных пунктах Краснодарского и других отделов Кубано-Черноморской области. Приведем несколько примеров изъятий из храмов Краснодарского отдела.

5 мая доставлены в областной финотдел ценности, изъятые из Михайло-Архангельской церкви ст. Кирпильской Екатеринодарского отдела, а именно: серебряный напрестольный крест (92 зол.), тарелочка (12 зол.), ложка (11 зол.), кадило (75 $\frac{3}{4}$

зол.), ковшик 17 ½ зол.), украшения с большого Евангелия (1 фунт 91 ¾ зол.), всего 4 фунта 12 зол [22].

8 мая доставлены изъятые из одно-престольного храма ст. Бакинской: один серебряный дискос (26 зол. 56 долей), два креста (1 фунт 25 зол. 48 долей), две тарелочки (18 зол.), одна ложка (6 зол. 36 долей), одна чаша (58 зол. 84 доли) «и два евангелия, из коих одно большое, одно маленькое с серебряными накладками. Ввиду того, что евангелие не представляет из себя ценности, то таковые были возвращены обратно тов. Лобченко по снятии с них серебряных накладок, вес коих выразился в 1 фунт 54 зол. 24 доли, а всего принято 3 ф. 93 зол. 58 дол.» [23].

16 мая доставлены изъятые из Саввиновской и Успенской церквей ст. Кореновской: одна серебряная чаша (1 фунт 2 зол.), два дискоса (93 зол.), две звезды (42 зол.), четыре тарелочки (72 зол.), одна ложка (15 зол.), три креста (4 фунта 27 зол.), три подставки для крестов (4 фунта), всего 11 фунтов 59 золотников. «При приеме путем сличения каждой вещи с перечнем, указанным в отношении отисполкома, оказались излишне сданными один крест и две подставки для крестов. Означенные ценности приняты и зачислены в счет переходящих ценностей под ст. № 324» [24].

17 мая доставлены ценности, изъятые из Успенской и Вознесенской церквей ст. Ладожской: одна серебряная чаша (1 фунт 68 зол.), один ковшик (35 зол.), две тарелочки (39 зол.), одна ложка (10 зол.), два кадила ломаных (1 фунт 35 зол.), серебряные крышки и угол с Евангелием и ризы с икон всего 6 фунтов 56 зол.

Из церквей хут. Александровского в это же время доставлены: две серебряные чаши (2 фунта 32 зол.), два дискоса (87 зол.), две звезды (41 зол.), две ложки (24 зол.), четыре тарелочки (44 зол.), два креста, в том числе 1 крест с эмалью (2 фунта 84 зол.), один Ковчег (2 фунта 75 зол.), одна дарохранительница (65 зол.), одно кадило (87 зол.), серебряные крышки, углы, гайки и прочий лом с Евангелием (4 фунта 64 зол.), серебряный портсигар (43 зол.), один малый серебряный крест (2 зол.), один дискос (2 зол.), одна звезда (18 зол.), 1 ложка (8 зол.), чаша (1 фунт 1 зол.), крышка с Евангелием (20 зол.). Кроме вышеуказанных ценностей приняты, как добровольно пожертвованные церковным причтом хут. Болгова один серебряный наперсный без цепи крест весом 6 зол. И один серебряный портсигар, неизвестно кем пожертвованный, весом 43 зол. Всего принято серебра весом 28 фунтов 32 зол. Означенные ценности зачислены 17 мая на счет «переходящих ценностей» под ст. № 29 [25].

22 мая доставлены ценности, изъятые из Рождество-Богородицкой церкви ст. Старокорсунской: одна чаша низкопробного серебра (1 фунт 47 зол.), четыре серебряных креста, в том числе один низкопробный (2 фунта 92 зол.), два серебряных дискоса, в том числе один низкопробный (86 зол.), одна серебряная звезда (20 зол.), две серебряных ложки, в том числе одна низкопробная (18 зол.), две серебряных тарелочки (35 зол.), одно серебряное кадило (1 фунт 18 зол.), одна серебряная крышка от евангелия, пять к ней накладок и четыре низкопробных ободка, всего 90 зол. Всего принято серебра весом 9 фунтов 22 золотника 72 доли, каковое и записано на счет переходящих ценностей по ст. № 436 [26].

29 мая доставлены ценности из церквей ст. Платнировской: серебряная чаша (89 зол.), крышки от Евангелия (2 фунта 55 зол.). Всего принято 3 фунта 48 золотников и зачислено на счет переходящих ценностей под ст. № 373 [27].

В целом изъятие продолжалось с апреля по июль 1922 года, несмотря на то, что областная комиссия требовала завершить изъятие уже в 20-х числах мая, угрожая местным комиссиям «судом революционного трибунала» [28].

Из Екатерининского собора было изъято: 12 серебряных чаш, 4 дарохранительницы, 10 дискосов, 9 звезд, 10 крестов, 2 копья, 7 ковшиков, 15 тарелочек, подставка для креста, 14 риз с икон, дароносица, кадило, ризы с малых икон, подставки с Евангелий и др. всего на 7 с лишним пудов.

Из Александро-Невского собора – 29 серебряных риз, 3 креста, 2 чаши, 2 дискоса, 12 лампад, 2 звезды, дароносица и дарохранительница, 3 кадила, 2 оклада с Евангелия, а также «лом» (ложки, рюмки и пр.) взамен оставленной серебряной ризы с иконы» - более чем на 6 пудов.

В числе изъятых из собора вещей был деревянный, частично покрытый финифтью крест конца XVIII века, внесенный соборной администрацией в разряд «неприкосновенных». Ввиду громадной исторической ценности его передали 8 июня 1922 года областному правлению по делам музеев, охраны памятников искусств и старины, народного быта и природы. В музей также были переданы из Александро-Невского собора два старинных Евангелия, две чаши и икона Св. Николая Чудотворца [29].

Подобные перечни были составлены и по всем остальным храмам, вес каждого предмета был учтен с предельной точностью. В Воскресенской церкви на Крепостной площади, под трапезной которой покоился прах основателя города Захария Чепеги, помимо чаши, креста, лампад и риз с икон, были изъяты две серебряные медали и нагрудный знак весом 9 золотников, а также два золотых ордена весом в 6 золотников [30].

В период изъятия церковных ценностей храмы Кубани лишились многих реликвий и сокровищ, которые собирались долгими десятилетиями. Среди них: «Монаршие дары» Екатерины Великой, состояние престарелого Мокия Гулика, который пожертвовал войсковому собору иконы Пресвятой Богородицы и Иоанна Воина, «изображенные на гранитуре и вылитые золотом», а также многочисленные жертвования от местного населения, привыкшего отдавать в храмы различные ценности [31].

Следует отметить, что процесс изъятия церковных ценностей проходил на Кубани довольно сложно. Верующие противились изъятию как могли. В г. Ейске дело дошло до массового выступления населения, которое среди историков получило название «ейское восстание» или «ейские беспорядки». Над участниками этих беспорядков в марте-апреле 1923 года власти организовали судебный процесс в г. Краснодаре.

События развивались следующим образом. В мае 1922 года комиссия по изъятию церковных ценностей появилась в Михаило-Архангельском соборе, где хранились церковные ценности, собранные несколькими поколениями ейчан. Епископ Ейский Евсей приказал ударить в набат. На звон церковных колоколов сотни жителей города собрались на Соборной площади, чтобы защитить святыни. Комиссия была изгнана из храма. Положение стало настолько серьезным, что власти приняли решение вывести из казарм войска. С их помощью собравшиеся на площади были разогнаны. По слухам жертвы были с обеих сторон.

Кем же был человек, который организовал массовое выступление ейчан против действий советской власти по изъятию церковных ценностей? Это был епископ Ейский Евсей.

Евгений Петрович Рождественский (Евсей) родился 22 декабря 1886 года в Тамбовской губернии, в семье священника. В 1907 г. окончил Тамбовскую духовную семинарию; в 1911 году Казанскую духовную академию, получив степень кандидата богословия. В этом же году он был рукоположен в сан иеромонаха, а в 1919 году – в сан архимандрита Московского Свято-Даниловского монастыря. 15 марта 1920 года патриархом Тихоном Евсей был хиротонисан во епископа Яранского викария Вятской губернии. В конце 1921 года вступил на Ейскую кафедру.

По отзывам современников Евсевий был немногословным человеком, строгим в вопросах церковной дисциплины, противником небрежного отношения к богослужениям. Он стремился сохранить все святые догматы и каноны Русской православной церкви. Именно поэтому он был непримиримым противником так называемых «обновленцев», сторонников движения «Живая церковь», поддерживаемого ВЧК/ОГПУ, что во многом определило всю его дальнейшую судьбу.

В декабре 1922 года Евсевий и 19 наиболее активных участников восстания были арестованы и доставлены в Краснодар в тюрьму ВЧК. 27 марта 1923 года они предстали перед судом ревтрибунала по обвинению в организации саботажа против изъятия церковных ценностей и в «контрреволюционных действиях». «Показательный» процесс длился 23 дня. Заседания суда проводились в помещениях зрелищных заведений и собирали много народу, особенно в субботние вечера. Широко освещавшая процесс газета «Красное знамя» не скупилась на издевательские ярлыки по отношению к обвиняемым, а выступления в суде в качестве представителя общественного обвинения председателя местного общества «Безбожник» некоего Белоусова порой принимали скандальный характер: «воинствующий безбожник» оскорблял не только чувства верующих, но и закон. Мнения публики разделились: как сообщала газета, дамы, некоторая часть работниц, представители нэпа и священнослужители сочувствовали епископу, а «партийная масса» осуждала его действия. Председатель «воинствующих безбожников» потребовал для Евсевия смертной казни. Суд, признав всех обвиняемых виновными и руководствуясь «революционной совестью», приговорил епископа Евсевия (Рождественского) к лишению свободы «со строгой изоляцией» на семь лет. Остальные были осуждены на меньшие сроки. После освобождения Евсевий становится архиепископом Читинским и Забайкальским, а затем архиепископом Екатеринбургским. В 1937 году он был расстрелян как «нераскаявшийся враг народа». В настоящее время Русская Православная Церковь рассматривает вопрос о причислении владыки Евсевия к новомученикам российским [32].

22 июля 1922 года областная комиссия сообщила об окончании изъятия ценностей в Кубанской области. Только из Краснодара в областной финансовый отдел поступило: серебра – 23 пуда 16 фунтов 57 золотников 48 долей, золота – 16 золотников 27 долей [33].

Количество ценностей в золотом и серебряном эквиваленте, изъятых из отделов Кубано-Черноморской области и поступивших в областной финотдел представлено в нижеприведенной таблице:

Поступление ценностей из отделов Кубано-Черноморской области.

Наименование отделов Кубано-Черноморской области	Наименование драгоценного металла	Количество пудов	Количество фунтов	Количество золотников	Количество долей
Краснодарский	серебра	15	06	78	48
	золота	-	-	-	-
Ейский	серебра	21	06	86	-
	золота	-	-	1	60
Славянский	серебра	2	21	39	-
	золота	-	-	9	48
Тимашевский	серебра	36	39	91	-
	золота	-	-	25	-
Темрюкский	серебра	5	29	6	-
	золота	-	3	68	84
Кавказский	серебра	-	33	75	-
	золота	-	-	-	-
Армавирский	серебра	16	29	86	-

	золота	-	-	39	20
Новороссийский	серебра	2	10	20	-
	золота	-	-	-	-
Туапсинский	серебра	1	2	43	-
	золота	-	-	-	-
Майкопский	серебра	10	4	12	-
	золота	-	-	-	-
Итого по отделам	серебра	112	24	76	48
	золота	-	4	47	28

В целом же по области (по неполным данным) в облфинотдел поступило: серебра 136 пуд. 1 фунт. 40 зол., золота 4 фунт. 63 зол. 55 долей, серебряных денег: банковских на 41 рубль, разменных на 67 руб. 83 коп., медной монеты на 20 руб. 69 коп. В тексте документа имеется приписка: «Изъятие ценностей по области закончено. Принятие ценностей в обфо продолжается. В обфо имеются непринятые ценности, вес коих неизвестен; не поступили ценности из самых отдаленных пунктов области» [34].

Таким образом, советское правительство, изъяв церковные ценности для обмена их за границей на хлеб, в количестве, превышавшем нужды голодающих, в основном, оставило их у себя. Согласно подсчетам современных исследователей «операция» по изъятию церковных ценностей дала советскому правительству в 1922 году 8 тыс. 400 тонн серебра, в то время, как на нужды голодающих было использовано не более 0,6 % вырученных средств [35].

Тем не менее, полученные ценности сыграли важную роль в проведении денежной реформы 1924 года (из золота, изъятого у церкви, были отчеканены советские золотые червонцы). В целом, стабилизация экономики России в тот период в значительной мере произошла благодаря средствам, изъятым у Русской Православной церкви.

Примечания:

1. Государственное учреждение Краснодарского края «Государственный архив Краснодарского края» (далее ГАКК). Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 287. Л. 1, 3;
2. Екатеринодар-Краснодар. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар, 1993 (далее Екатеринодар-Краснодар... Материалы к Летописи). С. 473;
3. Воронежский епархиальный вестник. Воронеж. 1992. № 8. С. 21-22;
4. Православный голос Кубани, февраль 2004, № 2 (159) (по материалам книги Михаила Польского Новые мученики российские. Т. 2. Джорданвилл, 1957);
5. ГАКК. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 27. Л. 1;
6. ГАКК. Там же. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 287. Л. 1;
7. ГАКК. Там же. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 27. Л. 1;
8. ГАКК. Там же. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 287. Л. 2;
9. ГАКК. Там же. Л. 3;
10. ГАКК. Там же;
11. ГАКК. Там же. Л. 17;
12. ГАКК. Там же. Л. 14;
13. ГАКК. Там же. Л. 18;
14. ГАКК. Там же. Л. 36;
15. Екатеринодар-Краснодар... Материалы к Летописи. С. 474;
16. Там же;
17. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 287. Л. 44;
18. ГАКК. Там же. Л. 59;
19. ГАКК. Там же. Л. 60;
20. Екатеринодар-Краснодар... Материалы к Летописи. С. 475.
21. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 287. Л. 153;

22. ГАКК. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 44. Л. 7;
23. ГАКК. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 34. Л. 6;
24. ГАКК. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 51. Л. 9;
25. ГАКК. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 39. Л. 21-21-об.;
26. ГАКК. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 35. Л. 9;
27. ГАКК. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 41. Л. 14;
28. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 287. Л. 157, 170; Д. 284. Л. 54-об.;
29. Екатеринодар-Краснодар... Материалы к Летописи. С. 477;
30. Там же. С. 477;
31. Там же. С. 477;
32. Иванов А.Ф. Защитник церковных ценностей. //История Ейска в лицах и событиях. Архив журнала. 2009. Справочник № 5 (46); газ. Красное знамя. 25 апр. 1923. № 89 (896).
33. Екатеринодар-Краснодар... Материалы к Летописи. С. 477;
34. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 287. Л. 176-177 (в приведенных данных имеется несоответствие между сведениями по отделам и итоговыми данными, что, возможно, происходило по причине того, что ценности продолжали поступать из отделов области и после официального окончания их изъятия, вследствие чего цифры постоянно менялись).
35. Русак В. Пир Сатаны. Джорданвилл, 1991. Цит. по Екатеринодар-Краснодар... Материалы к Летописи. С. 474.